



1922 г.

МИР
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Книга 1-я.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ.

Москва, Тверская, 38. — Телеф. 1—09—28. — Моск.-Изд. П. П. Сойкина и И. Ф. Афанасьева.

«Мир приключений», 1922, № 1 //, 1922
FB2: , 131684156248350000, version 1.0
UUID: {701836BB-ADAF-4598-96A5-DF03DB2B523E}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иероним Ясинский

**Браслет последнего
преступника**

«Мир приключений», 1922, № 1

**Иероним Ясинский
Браслет последнего
преступника**

Из цикла «Грядущее»

I

По обеим сторонам улицы двигались взад и вперед панели — каждая о двух встречных платформах. На платформах стояли, весело болтая между собою, группы мужчин и женщин в модных костюмах и шляпах. Иные, нетерпеливые, не довольствуясь механическим движением, быстро шагали по своей платформе. Это возбуждало смех.

Панели были украшены бордюром из живых цветов, благоуханных и прекрасных. На перекрестках, в центре овальных площадей, возвышались мраморные и бронзовые памятники великим людям давнего и недавнего прошлого. Они были окаймлены деревьями и цветниками. Улыбкою сочувствия и благословения веяло от этих оазисов.

Многоэтажных домов в городе не было. О них сохранилось только предание. Их можно было видеть на старых картинах и рисунках, да в кинопанорамах, где воспроизводился даже шум и гвалт отошедшей в вечность многоголосой жизни древних «столиц». Столиц уже

не было. Душа города слилась с душой деревни.

Дома бледно-розового, бледно-голубого, бледно-палевого или совсем белого искусственного камня, были пронизаны светом, с большими хрустальными стеклами, алмазные грани которых бросали радуги. На кровлях вторых ярусов зеленели кустарные насаждения, виднелись грациозные беседки и палатки.

Изменилось лицо города в каких-нибудь триста лет. Не только исчезли лошади и извозчики, неуклюжие автомобили и грохочущие грузовики, но и электрические безшумные трамваи сданы были в архив. Был усовершенствован подвесной железнодорожный транспорт. И с тех пор, как из глубочайших недр земли стали извлекать радий и научились пользоваться им, и, с его помощью господствовать над природою в таких размерах, какие не снились мудрецам XIX и XX века, города начали сноситься друг с другом по воздуху исключительно, в виду безопасности воздушного пути и крайней экономии: радиопланы поднимали неслыханные тяжести.

Вся страна кипела движением, груды товаров перевозились и переносились поминутно из одного конца в другой; фабрики и заводы (такие просторные, насыщенные светом и здоровым воздухом, что слабым людям, уже по возрасту имеющим право на отдых, медики часто советовали вернуться к работе) удовлетворяли население страны с избытком.

А между тем производство требовало уже всего трехчасового труда — но от каждого. Было в стране 200 миллионов жителей — и ежедневно 600 миллионов трудочасов отдавалось государству — вместо прежних 80 миллионов, когда 10 миллионов рабочих изнывали в нездоровых помещениях за 8-часовым трудом.

Немудрено, что страна наслаждалась материальным и духовным благоденствием. Здоровьем, бодростью, жизнерадостностью дышала страна, три века тому назад погибавшая от невежества, дикости, от рабства и жестокости, и достигшая высшего расцвета культуры, призвав на помощь организованный труд, науку и искусство.

В группе рабочих обоего пола, возвращавшихся с фабрики трикотажных изделий, в яркий июльский полдень 2222 года, выделялась чета молодых людей.

Она — уже была знакома с любовью; он — был впервые влюблен. Ее звали Эрле. Он носил старинное имя Ильи. Тот, кого она любила, — когда еще была на первом курсе техникума и изучала оптику и ткацкое дело — две ее специальности — умер, обезсмертив себя открытиями в области радиологии. Тот, кого она полюбила теперь — Илья был ткач, а главным образом — поэт, яркими фантазиями и музыкальными стихами прославившийся далеко за пределами города и пленивший Эрле своими пламенными глазами, курчавою головою и сложением Аполлона. Сама она была худенькая, светловолосая, белолицая, и в 23 года казалась девочкою. Короткая верхняя губа ее, при улыбке, открывала ровные белые зубы. Точеный крупный подбородок свидетельствовал о твердой воле Эрле. Темные глаза ее с восхищением останавливались на Илье.

Когда платформа замерла у конечного

пункта, молодые люди спустились по ступенькам на «Площадь Покоя» и прошли мимо гранитного Крематория, изукрашенного золотыми арабесками и надписями.

Эрле прочитала в их числе имя Григория, знаменитого радиолога; и болезненно и вместе сладостно вострепелось ее сердце при воспоминании о блаженных часах, которые она проводила с ним еще так недавно. «Вот я еще не изжила свою первую любовь», — подумала она. — «И разве изживу когда-нибудь? А если бы Григорий был жив, полюбила ли бы я, любя его, еще и Илью? Наверно полюбила бы. Я могла бы любить двоих. Что же такое брак после этого, — как не устаревшая форма отношений между полами?»

Она прижалась локтем к Илье и поделилась с ним своею мыслью.

— И все-таки, Эрле, мы собираемся вписать свои имена в брачную книгу? — сказал Илья, засмеявшись. — Что же делать. Есть пережитки. «Со временем брак исчезнет так же, как исчезли у человечества рыбки жабры или обезьяний хвост» — изречение это я вычитал вчера у древнего писателя Бельше; но и до

сих пор мы с жабрами. Поторопимся же, возьмем радиоплан и да здравствует жизнь и любовь! Не заставим гостей ждать нас! Признаюсь, сегодняшнее торжество мне особенно дорого!

III

— Поэт иногда бывает атавистом, и я замечаю, что с тех пор, как вновь расцвела у нас поэзия... — начала Эрле, вступая с Ильею под мраморную арку аэродрома, двор которого был выложен мозаикой и казался голубым персидским ковром с золотыми цветами, — я замечаю возрождение вкуса к старине... Романтизм и питается безграничностью достижений?.. А у нас, неправда ли, застой? Мы пылаем жаждой новизны, а нового нет... и вот нас тянет... как это назвать?..

— Как хочешь, Эрле. В прошлом было много дурного и страшного, но было и прекрасное. Мы же наследники прошлого. Оно мечтало о царствии небесном, а мы осуществляем его мечты. Его поэзия стала нашей прозой. Но нужна и нам поэзия.

— На вершинах нашей мысли поэзия и наука слились...

— Или, вернее, сливаются, — поправил Илья. — В известней степени этому помогает и прекрасное прошлое. Стоит только оглянуться на памятники, которыми блещет наш город, и на библиотеки, чтобы не спорить со мною.

— Я не спорю с тобой, Илья, я только характеризую наше время. Ну, а причем тут брак? — спросила Эрле с задумчивой улыбкой.

— Чтобы не делать тайны из наших отношений, имя которым любовь; а это — уже и прошлое, и настоящее, и будущее — это вечное!

Она продолжала с тою же, критическою усмешкою в углах тонко прорезанного рта:

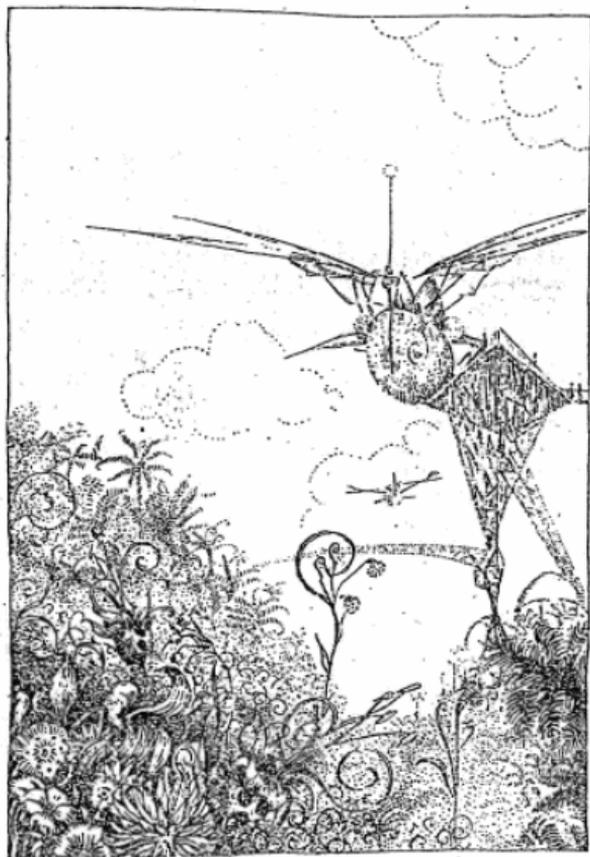
— Если ты говоришь о нашем браке, то завтра же ему может быть положен конец. И это вечность?

— Я говорю об исторической вечности.

— Нет, ты разумеешь нашу вечность с тобою! — возразила Эрле, а Илья пожал ей руку.

Эрле безмолвно улыбнулась; и вдруг побледнела; и снова болезненно и сладостно сжалось ее сердце при виде мраморного бю-

ста ее первого возлюбленного. Благодарные современники поставили этот бюст знаменитому радиологу, работы которого произвели переворот в воздухоплавании и который пал жертвою в борьбе с элементом, целые века не поддававшимся усилиям ученого мира.



Но журчал и пел фонтан посреди двора, и

жемчужные брызги падали в серебряный вызолоченный бассейн и на оранжевые венчики огромных настурций, которые вздрагивали, живые; но знойно светило солнце; но радостно кувыркались в воздухе дутыши, сверкая своими перьями, переливавшимися радугами зеленого опала; но голые дети, очаровательные, с телами цвета бронзы, весело упражнялись на верхней площадке в легкой атлетике и оттуда, с высоты кидались в протекавшую за стеной аэродрома светлую реку, быстро возвращаясь обратно через двор, радостные и мокрые; но поминутно мелькали пары и группы рабочих в нарядных летних платьях и исчезали в лазурном небе, уносимые вверх легкими радиопланами, словно на крыльях гигантских стрекоз; но так ярко бился здоровый пульс жизни и так неизсякаема была она, что Эрле встрепенулась и отдалась ее потоку; «ушел» Григорий — его заменил Илья, и она оперлась на его мускулистую руку и вздрогнула, почувствовав плечом скульптуру его плеча.

Они вошли в ложу, сели в двухместное купе радиоплана, назвали номер в трубку телефо-

на, мальчик — управляющий аэродромом, — нажал в своем кабинете кнопку — и Эрле и Илья взвились, как два голубя, и утонули в сине-солнечном сиянии дня.

IV

Мимо их радиоплана, построенного из прозрачного гибкого металла, проносились другие бесчисленные стрекозы. Рабочим хотелось подышать небесным воздухом. Столкновений нельзя было опасаться, потому что, заряженные одинаковой энергиею, аппараты отталкивались друг от друга на определенное расстояние. Это была система товарища Вольдемара, личного друга покойного Григория. К горю знавших его, Вольдемар запятнал свое имя преступлением..

Уже несколько десятилетий страна, известная на земле под именем Республики Гениев, наслаждалась внешним миром — война была упразднена и заменена международными состязаниями техников физического труда, ученых, поэтов и художников — и наслаждалась также внутренним спокойствием — отсутствием каких бы то ни было преступлений.

Их потому не было и не могло быть, что собственность была признана священной и неприкосновенною и никому не принадлежала в отдельности. И воздух, и вода, и продукты земли, и все разнообразное товарное производство, все леса, сады, поля, реки, моря, корабли, дома состояли собственно из государственного коллектива. Что же касается движимости, то каждый работник имел возможность и право менять надоевшее ему платье, белье, драгоценности, посуду, картины, мебель, решительно все — в общественных магазинах и складах, стоило ему только показать единственную монету, на которой было выгравировано его имя и № его фабрики. Она была из драгоценного розового металла тверже и ковче золота и, обладая покупною силою, не истрачивалась, в роде «фармазонского» рубля, в существование которого верили наши предки. Вообще же не было денег совершенно.

Таким образом, при утвердившемся равенстве богатства, когда все принадлежало всем, и инстинкты жадности, зависти к имущим и праздным, бедность, нищета, голод, пороки,

порожденные неравенством, разврат, как плод запрещения свободной любви, рабство и насилие перестали существовать и, во всяком случае, больше не проявляли себя — это было бы бессмысленно — убийство человека человеком стало чем-то невозможным — корыстный мотив исчез.

Конечно, сохранились личные богатства в сокровищнице человеческого духа; ученые, поэты и художники, творившие бескорыстно, приобретали громкое имя и славу; но о них знали только в ближайших районах; при жизни их открытия, поэтические создания, картины, статуи, музыка и архитектурная фантазия считались продуктом коллективного творчества всей республики: лишь после смерти они удостоивались признания и религиозного прославления, им воздвигались монументы, размножались их портреты и всемирно провозглашались их имена: миллионерами духа великие люди становились лишь достигая бессмертия в крематории.

Товарищ Вольдемар в свободные от труда на фабрике часы занимался еще строительством. Ему же принадлежала идея воздушных

санаторий и заоблачных островов отдыха. Старые санатории и города отдыха, впрочем, еще не изжили себя и, пролетая над окрестностями, Эрле и Илья видели быстро развертывающуюся под ними карту, исчерченную серебряными каналами, пестреющую, зелеными пятнами садов и роц, золотыми точками шпилей общественных зданий, сверкающую гранями колоссальных теплиц. Эти теплицы, подобные брошенным на землю алмазам и светлым сафирам, и были городами отдыха для престарелых граждан, достигавших в стране за редкими исключениями, полуторастолетнего возраста.

Как все в республике, Вольдемар был счастлив, еще не стар и уже приближался к 60-летнему термину, освобождающему гражданина от обязательного трехчасового физического труда и дающего право на занятие высоких правительственных должностей; он был женат на прелестной тридцатилетней женщине, писавшей картины и служившей закройщицей в швейной мастерской; и вдруг — он убил ее!

— Что побудило его совершить это небыва-

лое страшное преступление? — спрашивала себя Эрле, думая о Вольдемаре, всегда таком изящном, уравновешенном и мудром человеке, бывшем ее учителем.

V

Воздушная станция «Небесная» висела незыблемым цветущим островом на высоте 3.000 футов между нынешним Петербургом, носившим уже другое имя, и Москвою — на перепутьи — и считалась одним из самых благоустроенных островов отдыха. И маленькие радиопланы, и большие корабли в форме лебедей, орлов и старинных фрегатов, постоянно причаливали к кружевным пристаням «Небесной», манившей глаз своими легкими хрустальными постройками и гармоничными букетами деревьев всех оттенков. Нежный пряный запах распространялся от острова — ароматы фиалок, лилий, резеды, роз, апельсиновых и лимонных цветов и жасмина смешивались, как сливаются звуки музыкальных инструментов в стройном оркестре.

Кстати, и музыка, воскресившая в последнее столетие угасшую было мелодию и развившая ее до крайнего совершенства, привле-

кала к «Небесной» множество посетителей. На ней были сосредоточены лучшие музыкальные механические инструменты, причем сочетание древнего граммофона или раз навсегда установленного плана мелодий вместе с капризами золотой арфы производило поразительные и неожиданные эффекты какой-то автоматической импровизации, вечно меняющегося и вечно нового музыкального калейдоскопа.

VI

Станция «Небесная» уже лет двадцать, как стала излюбленным местом отдыха рабочих; сюда прилетали для дружеских вечеринок и обедов, здесь справляли семейные и общественные праздники и тут же заключались браки, вписыванием имен жениха и невесты в особую роскошно переплетенную алюминиевую книгу (вообще в Республике была в употреблении эта тончайшая металлическая бумага).

Эрле и Илья, выйдя из радиоплана, очутились в широкой аллее среди поэтических киосков и цветников и пленительных, скульптурных групп, сделанных из легкого материала.

ла, чтобы не обременять острова излишней тяжестью. Между прочим доступ на «Небесную» был ограничен: соблюдалась очередь, и все-таки остров мог поднимать до 50.000 человек. Но были и другие острова отдыха и каждый отличался чем-нибудь и привлекал к себе публику.

Гуляющих было уже много. Под легкой, умеряющей солнечный зной, прозрачной, как воздух, и сохраняющей ровную температуру, кровлей порхали, как клочки расшитого драгоценными камнями атласа и бархата, тропические бабочки, белые и изумрудные попугаи качались на ветках, колибри кружились над цветами, сами похожие на венчики цветов.

Печальный уклон мыслей, овладевших настроением Эрле, выпрямился, улыбка разцвела на ее губах в ответ на приветственные улыбки знакомых.

Среди последних вскоре оказались и товарищи, приглашенные Ильею на свадебный пир.

Брачная церемония, в сущности, представляла собою пережиток, уже не имевший сколько-нибудь серьезного значения. В киос-

ке на столе лежала книга, и желающие записывали в ней рядом свои имена. Сроком брачной связи полагался один год. Срок истекал, и тогда муж и жена требовали старую книгу и еще раз записывали свои имена. Было много случаев, когда старики вписывали свои имена в сотый раз и правили в кругу друзей свои вековые юбилеи.

Эрле получила поздравительный букет от товарищей, а Илья попросил их пройти на Западную эстраду, где был открытый балкон, и на нем уже приготовлен стол.

Пожав новобрачным руку, гости оставили на время мужа и жену.

— Ничто не разлучит нас теперь, Эрле, — сказал Илья — несколько лет подряд ты была моей музой, хотя и не подозревала этого, и вот теперь ты так близка мне, и это такое счастье...

И он продолжал говорить все то, что в таких случаях говорили молодые люди и триста, и четыреста лет назад и о том, что прежде связывало и вечно будет связывать мужчину и женщину.

Эрле доверчиво опиралась на руку поэта.

Но внезапно на повороте в темную аллею они встретили Вольдемара. По обыкновению, он был изысканно одет — в коричневом кафтане, в соломенной шляпе с перламутровой пряжкой, в лакированных башмаках; и с тростью в руке — по праву старости.

Он был так строен, красив и свеж, что нельзя было назвать его стариком; повидимому ему предстояла еще долгая жизнь, и только в темных глазах его залегло глубокое чувство скорби и душевного страдания.

— Здравствуй, Эрле, здравствуй, товарищ Илья, — сказал он, — мне было приятно узнать, Эрле, что ты ценишь жизнь и сумела найти радость, которую потеряла, когда умер Григорий. И, конечно, Илья, при всех его достоинствах, может быть, еще не совсем стоит твоей дружбы. Я помню тебя, Эрле, еще маленькой девочкой, ты всегда была хрупким, но очаровательным созданием. И тебя, Илья, помню, ты был задорным малым в моей школе, сорви-голова, и изводил меня стихами на уроках высшей математики. Правда и то, что математика и стихи, строго говоря, музыкально родственны. По всем этим мотивам, я счи-

таю себя, разумеется, в праве быть сегодня вашим гостем и, как видите, прилетел на остров, который тоже мне немножко сродни — я был и его «воспитателем». Но, как вам известно, я обречен пожизненно носить золотой браслет; и кто пожмет мне руку и хоть на полчаса забудет тяготеющее на мне клеймо Каина?...

— Я вас всегда называю другом, — ответила Эрле, — и не сомневаюсь, что и Илья чувствует к вам незабываемое расположение. Золото у нас знак бесчестья и вы достаточно наказаны... Илья, не правда ли?

— Правда, — отвечал Илья, — золото знак бесчестья. Не знаю, как отнесутся к учителю Вольдемару гости наши. Я, лично, попрежнему жму ему руку и все-таки откровенно скажу: тяжела его каменная десница. Бедный, старый друг, скажи, за что ты убил жену? Как мог ты запятнать кровью нашу, до той поры безгрешную, Республику? Уже третье десятилетие истекало, уже тридцатый раз на единственном новогоднем заседании Судебного Трибунала возвещалось миру, что в нашей стране в течение года не было совершено ни

одного преступления и никто из граждан не был подвергнут наказанию или даже взысканию за какой-либо проступок — и вдруг!..

Эрле потупила глаза и пояснила:

— Может быть, учитель находился в момент убийства в состоянии невменяемости.

— Нет, сказал Вольдемар, — я не был безумен. Вернее — во мне проснулся кто-либо из моих предков. Я почти хладнокровно приговорил Анну к смерти. Я казнил ее, предварительно объявив ей приговор.

— Ты мог!

— За что?

— Я совершил даже два убийства. Она готовилась быть матерью.

— Вольдемар, чудовищно!

— Знаю и страдаю.

— Но за что? За что?

— За измену.

— В любви?

— Да.

— Какое старое и смешное слово.

— Слово, но не факт, — горестно сказал Вольдемар. — Ребенок родился бы не от меня, а все думали бы, что я его отец.

— Но, Вольдемар, вы древний. Такие взгляды были изжиты еще в XIX веке, и тогда уже эксцессы ревности являлись исключением.

— Я совершенно не могу войти в положение товарища Вольдемара, точно так же, как не могу себе представить Эрле в положении несчастной Анны. Однако, предадим забвению.

— Найдем вас, учитель, на Западной эстраде, — сказала Эрле и протянула руку.

Вольдемар пожал ее руку левой рукой. Правая рука его была закована в толстый золотой браслет, плохо прикрываемый обшлагом рукава его щегольского кафтана.

VII

Комендант «Небесной» был тоже, как и Вольдемар, вдохновляем предками, но не на уголовные эксцессы, а на изучение старины, поскольку она была прекрасна. Занятия в историческом Архиве привели его к заключению, что он потомок какого-то московского мецената — основателя, славившегося в начале XIX века художественного музея. Наружность у коменданта была тоже старомосковская. Трезвый стол и гигиеническое питание

давно уже отучили население от излишеств, способствующих ожирению и развивающих желудочные и другие болезни. Мясо было изгнано повсеместным обычаем из общественных столовых. Но комендант был поклонником древней кухни — и у него было красное, круглое, бородатое лицо, большие здоровые зубы, толстая грудь и веселые глаза на выкате.

Он уже хлопотал около стола, накрытого на тридцать «персон», и любовался редчайшею фаянсовою посудою Поскочина, фабрики уже не существующей почти четыреста лет. Хотя современная посуда, по утверждению знатоков, во много раз превосходила красотою даже древние лиможские майолики и эмали, но комендант не ценил ее. Она была слишком распространена, и он предпочитал в особых торжественных случаях похвастать севром, веджвудом, Поповым и Поскочинным. В граненых хрусталях рдели и играли красные и золотистые напитки. Гармонично пели серебряные фонтаны, трепетали живые цветы невиданной красоты, только что выхоленные искусными садовниками — неожидан-

ные разновидности орхидей и обыкновенных луговых цветочков, доведенных культурою до странных форм и размеров.

— Милости просим, — произнес комендант, церемонно отвешивая поклон вошедшим новобрачным и, в присутствии гостей, которым он указал места, сказал приветственную речь.

Речи, в особенности застольные, были в большой моде, вместе с предупредительностью и утонченной товарищескою вежливостью; но было принято, что больше трех минут речь не должна продолжаться. Общие места, заезженные фразы, повторение и нагромождение доказательств там, где мысль была ясна, не допускались и считались дурным тоном, точно также, как и длинные стихи, от которых требовалась музыкальная сжатость формы и содержания. Зарвавшегося оратора не прерывали криками «довольно!», но председатель собрания нажимал кнопку, и раздавались оглушительные рукоплесканья из горла граммофона. Из особого добродушного отношения к толстому коменданту, выслушали до конца его вступительную приветственную

речь, затянувшуюся до пяти минут. Платформа в середине стола вдруг выдвинула чудесные из тончайшего фаянса, на вид настоящие серебряные с матовыми украшениями поскочинские суповые миски и блюда, и комендант, как истый метр д'отель XIX века, вооруженный салфеткой, снял крышки и стал, начиная с новобрачных, угощать присутствующих и наливать в бокалы легкие вина.

Весело было всем. Забавляли замечания коменданта, непривычный вкус изысканных закусок и блюд, остроты; чокались, по примеру коменданта, с Ильей и Эрле. А молодой человек, избранный председателем стола, предложил, чтобы речь была сказана каждым, но чтобы длилась не больше одной минуты и чтобы она представляла собой крылатое слово. Если же кто умудрится на речь еще короче, того Эрле поцелует.

— Премия удовлетворяет, товарищи?

— О, мы заранее завидуем счастливому сопернику! Нельзя было придумать лучшей премии! — раздались голоса.

— А товарищ Эрле согласна?

Эрле прикрыла до половины лицо цветком

и сказала:

— Согласна.

После белого, как снег, сливочного лебедя из миндаля и сахара — совсем во вкусе московских боярско-купеческих пиров — и искристого розового шампанского — все, все было в древнем стиле! — начались речи гостей.

Кто говорил прозой, кто стихами; были яркие сравнения и бросались блестящие образы. Один товарищ даже пропел приветствие звонким, как стеклянный колокол, тенором; но не было ни одного экспромпта, удовлетворившего одномоментному сроку. Иные растягивались на полторы минуты, иным не хватало несколько секунд, чтобы удостоиться премии. Очередь дошла до самого Ильи. Он встал и сказал:

*Есть блаженное страданье
И, в союзе с красотой,
Есть блаженство в обладании
Воплощенною мечтой.*

— Ровно одна минута! — вскричал комендант, державший хронометр в руке, и ударил, как в гонг, в большое серебряное блюдо. (Работы древнего фабриканта Сазикова — пояс-

нил он потом).

— Это даже несправедливо! — сказал председатель со смехом, — товарищу Илье все, и мимо нас скользнул, как быстролетный солнечный луч, никого не задев, поцелуй Эрле!

Эрле, улыбающаяся, бросила взгляд на Вольдемара, безмолвно сидевшего в конце стола. Он не притрагивался к еде, чувствуя себя отверженцем, и только пил. Комендант несколько раз хотел спросить его, кто пригласил его, но некогда было, и мешало хлебо-сольство.

Встал Вольдемар и сказал:

— Я тоже гость, и мне принадлежит последнее слово. Эрле, разреши!

Эрле кивнула головой.

Тогда Вольдемар вытянул вперед правую руку и откинул обшлаг рукава; позорно за сверкало на его руке золото массивного гладкого браслета. Он произнес:

— Мертвый приветствует живых!

— Премия! — вскричала Эрле, побледнев, сама обошла стол, направилась к Вольдемару.

— Учитель, — вот мой поцелуй, — и шопотом прибавила: — и наше прощение.

Он принял поцелуй, низко поклонился ей и всем и исчез в чаще кустарников, которыми зеленел угол эстрады.

Вскоре фигура его мелькнула у решетки воздушного балкона.

Невольно головы пирующих повернулись в ту сторону. Пир затянулся: плыли и клубились предзакатные облака, подобные гигантским опалам. Они удалялись в бесконечность, то и дело, меняя одни причудливые формы на другие. То они принимали очертания светозарных призраков — людей и животных, то развалин фантастических городов. Налетом серого пепла постепенно покрывались уже отсветы красной меди, в то время, как еще ярко горели раскаленные края облаков. Веяло беспредельностью и первозданной мощью с тускнеющих небес.

Вольдемара на балконе не было.

VIII

Предчувствие не обмануло Эрле. Илья тоже разделял ее сумрачное молчанье, когда они летели обратно в благоуханную летнюю ночь в свое общежитие, сопровождаемые кортежем товарищеских радиопланов, освещав-

ших им путь разноцветными огнями и ракетами.



На другой день, утром, недалеко от реки, на песчаной дюне был найден труп Вольдемара.

Браслет был снят с его руки и поступил в музей Судебного Трибунала. С золота было стерто имя Вольдемара и вновь награвировано: «Браслет последнего преступника».

Это было гордо, самоуверенно и даже заносчиво; но возможно, что Республика Гениев в самом деле не увидит больше преступле-

ний, которыми страдало человечество в старые, страшные, кровавые года.

Иероним Ясинский.

Дом Книги 1922 г.

